

Молодежный любовный роман

Пелевина Катерина

Сердце подонка

Пелевина Катерина

Сердце подонка

<https://litres.ru/74212927>

Аннотация

Я доверилась ему, полюбила его, а он... Раздавил в руке моё бедное сердце, словно оно никогда и ничего для него не значило. Мой сводный оказался подонком, но я буду не я, если позволю эмоциям владеть мной и дальше. Мечь – блюдо, что подаётся холодным. И такое блюдо он ещё точно не пробовал...

Первая часть –

Содержание

Глава 1.	4
Визы	13
Глава 2.	14
Глава 3.	23
Глава 4.	33
Глава 5.	42
Глава 6.	54
Глава 7.	64
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Глава 1.

**Дорогие мои, добро пожаловать в продолжение!
Очень жду вашей поддержки) Погнали!**

Первая часть здесь - <https://litnet.com/shrt/BtuW>

Евгения Хомова

Прошёл ровно месяц, как мы с мамой уехали из того дома, да и из города в целом. Жизнь немного сменила курс. Я бы даже сказала резко развернулась на сто восемьдесят...

Мы поговорили в тот вечер и решили, что нам всего этого не нужно. Деньги, что не несут счастья, огромный замок, где нет доверия, любовь к мужчинам, которые этого не заслуживают. Всё это не про нас. Мы доверились им, а они... Просто растоптали это доверие. А разбитую чашу, как известно, уже не склеить. В любом случае, получится не то, как ни стараться.

Сергей звонил ей, как я поняла, но нам нужен был перерыв от всего, и она решила не отвечать. А я решила, что никогда уже не стану прежней.

Той Женей, которая любила в ущерб себе. Девушкой, которая прощала и всему находила тайный смысл и объяснение чужим поступкам. Теперь смысла не было. Меня просто предали. Просто сломали. И эти глаголы слишком болезненны, чтобы не обращать на них внимания.

Из хороших новостей – я покрасила волосы в нежный пастельно-розовый цвет. Мне идёт, как говорят близкие или даже незнакомцы. Раньше никогда не экспериментировала с волосами, но теперь ощутила острую необходимость в этом. Из плохих – на сердце всё ещё рваные раны... словно кто-то основательно там прошёлся. Будто я не знаю кто...

С Наташей мы связи не теряли, разумеется. Всё так же общаемся... А вот про него я больше не интересуюсь. Сменила номер, провела «второе лето» в Питере вместе с мамой. Подрабатывала бариста в одном из кафе, где моя мама устроилась поваром-кондитером. Здесь неплохо платят. И мы просто решили направить энергию в мирное русло, чтобы не загонять себя ещё сильнее. Ведь больно было ужасно. Причём обоим...

Плакали, делились друг с другом, страдали. Пришлось нелегко. Даже тяжело я бы сказала. Но вот что мы примерно поняли...

Сергей получил анонимные фотографии от бывшей жены, где мама и мой отец сидели в одном из кафе и болтали обо мне. Отец вновь начал плести обычные манипуляции. Используя при этом самую болезненную для мамы тему – дочери и отца. Как и всегда... А она, наивная душа, повелась на это. Кроме того, обвиняя маму в измене и предательстве, Сергей не забыл упомянуть о счёте, на который мама якобы перевела деньги с открытого лично для неё им. Как она думала, перевод был осуществлен в адрес благотворительно-

го фонда, куда же, по правде, упали деньги непонятно. Видимо, на счёт моего отца. Вся эта схема была продумана и тщательно создана мамой Ника и им самим. Хотели, чтобы всё вышло так, будто мама использовала Сергея. Словно он для неё ничего не значил, кроме банковского счёта. И будто бы она была в сговоре с моим биологическим папашей. Ну а Ник, видимо, сильно радовался, когда помогал ей в этом. Я думаю, что все его слова мне о любви были придуманы его мамочкой. Как и свидание на даче, как и наш первый раз... Господи. Даже вспоминать больно. А ещё тошно.

Не знаю для чего ему понадобились эти мои фотографии, но до сих пор по всему телу расходятся болезненные импульсы, стоит только вспомнить об этом.

Мама тоже много плакала. Сейчас же мне легче на неё смотреть. Когда она готовит сладкое, расцветает. Тогда зачем ей этот мужчина?

Он поверил тому, что увидел. Не ей. И не её любви. Он поверил в то, что ему показали, и как по мне это значит – никогда её по-настоящему не знал.

Возможно, во мне говорит злость не на него... А на его сына. Возможно, я всегда теперь буду проецировать его поступок на обоих. Потому что и впрямь ненавижу Ника... Но...

С каждым днём мне, кажется, становится легче. Пока я не остаюсь одна, конечно. Тогда вся боль всплывает заново. Не лечат ни фильмы, ни книги, ни общение с другими людьми в сети. Кажется, что часть моей души вырвали с корнями и

то место осталось пустым и уродливым.

Я даже смотреть на него не могу. Мне порой кажется, что его уже ничем не залатать.

Номер я сменила, потому что не хотела, чтобы он хоть как-то меня нашёл.

Да и стал бы он искать? Понятия не имею... Теперь кажется, что всё, что было между нами – сплошная ложь.

– Мне можно латте, пожалуйста, с пенкой.

– Да, добрый день, сию минуту.

– Девушка... А я первый стоял в очереди...

– Я и Вам сделаю быстренько... Сейчас, – улыбаюсь молодому человеку, и буквально за секунду рисую двух котиков, протянув одну кружку девушке, что заказывала первой, а вторую – ему.

– Я польщен, конечно... Но я кота не просил... Мне эспresso нужно было...

– Ой... – роняю взгляд на забавную мордашку. – Извините, пожалуйста. Сейчас исправлю.

– Если что это Вам тогда от меня. А я дождусь своего кофе.

– Спасибо огромное, – улыбаюсь, переделывая заказ, а потом ставлю ему кружку.

– Благодарю... Выпьете со мной? Волосы у Вас красивые, – говорит он, и я поднимаю взгляд, встречаясь с его серыми глазами. Объективно говоря, я в каждом первом встречном ищу черты Ника и начинаю ненавидеть. Теперь мне ка-

жется, что этот парень схож какими-то чертами. К примеру, тёмными взъерошенными волосами. И я моментально ищу отговорки. Любые. Лишь бы не взаимодействовать с ним.

– Спасибо, но у меня перерыв не скоро...

– Понял... А так вообще...

Господи... Как же больно внутри. Словно кто-то воткнул острый нож. Или того хуже... Будто пулю всадили. И она там... Внутри меня. Всё ещё движется, только очень медленно, разрывая меня на части...

– Так вообще... У меня парень есть. Я не могу, хорошего Вам дня, – улыбаюсь, и он кивает, прощаясь со мной и исчезая за углом противоположной стены...

Да уж, Женя... Долго тебе теперь ходить в одиночестве и прикрываться несуществующим парнем, лишь бы не травмироваться снова... Долго...

До первого перерыва продолжаю работу, а потом присаживаюсь за свободный столик и достаю телефон. Хотя бы немного отдохнуть и выдохнуть, как говорится...

«Я безумно по тебе скучаю, моя девочка. Расскажи, как ты сегодня?», – приходит от Наташи, и я расплываюсь в улыбке. Её сообщения всегда спасали меня. Даже в самый плохой день.

«Я хорошо! О тебе думала, когда рисовала котика клиенту. Тоже скучаю, Таша. Безумно!».

«Давай мы примчим в Питер на выходные? Потусим... В клуб сходим?».

«Ой нет, хватит с меня тусовок! Я с радостью приму вас, но не для клуба, ладно?».

«Зануууудааааа», – присылает Наташка, пока я листаю ленту и думаю попить чай. Пятнадцать минут у меня есть...

Мама готовит какие-то новые шоколадные кексы, и я чувствую себя достаточно хорошо и спокойно, пока не вижу, как к витрине нашего кафе подъезжает чёрная дорогушая знакомая машина.

На автомате напрягаюсь. Не знаю, как это работает, но пока мама не увидела, смотрю на то, как из неё выходит Сергей. У меня даже сердце в груди делает сальто в этот самый момент. Ауч... Как же жутко неприятно.

Он стоит и смотрит через панорамное окно прямо на меня, засунув руки в карманы. Будто зазывая на разговор одним видом, и честно... Я хочу послать его куда подальше, только поэтому иду туда с боевым настроем, ни слова не сказав маме.

Выхожу на улицу, пока она занята, и тут же спрашиваю у него, глядя в глаза:

– Зачем Вы приехали? Как нас нашли? Что Вам нужно?!

– Жень, привет... А ты враждебно настроена...

– А Вы как думали? Что я позволю вытирать об неё ноги после всего?!

– Справедливо... – отвечает он, вздыхая. На лице тень всего, что произошло. Я бы не сказала, что он сияет. Нет. Но он это хотя бы заслужил. – Присядь в машину, очень тебя

прошу...

– Зачем?

– На одну минуту... Это быстро...

Психованно взмахиваю рукой и сажусь в салон, дожидаясь, когда он обойдёт с другой стороны.

– Я понимаю твой негатив... И злость понимаю. После всего. Я был не прав. Я осознаю это...

– Да ну? Подсказал кто-то?

– По правде говоря, Ник... Он мне всё рассказал...

Вздрагиваю, когда слышу его имя. И по коже проносятся мурашки. Колючие. Болезненные. Такие, от которых моментально сжимает грудь. Я не могу впускать этого дьявола внутрь снова. Даже на дюйм.

– Что Вам нужно?

– Я люблю её, ты знаешь.

Как же это слово легко им даётся. Все Хорольские такие, да? Разве можно вот так... Бросаться словами, которые не в силах исполнять.

– Люблю... Ну да, – улыбаюсь я, кивая. – Я не позволю больше. Только через мой труп.

– Я понимаю, что ты злишься... И в состоянии осознать степень боли и разочарования, что принёс Вам обоим... Я и мой сын.

– Даже... Не напоминайте мне о нём... – сцепив зубы, произношу через всю скопившуюся злобу. – С меня достаточно!

Едва хочу выйти и дёрнуть за ручку, как он продолжает.

– И ты считаешь, что это справедливо?

– Справедливо что?

– Ну ты здесь... Вместо того, чтобы учиться в университете, о котором всегда мечтала. Ты, получается, просто сда-лась? Учти... То место, оно до сих пор тебя ждёт, Женя. Учё-ба оплачена и в деканате ни слова не сказали об отчислении. Даже готовы принять твоё месячное отсутствие... Но ты не хочешь возвращаться... А Ник, он выходит... Выиграл.

И почему я только ведуь на это? Почему так активно вы-рабатываю желчь?

– Он ничего не выиграл!

– Женя... Я прошу тебя. Я дурак, да... Я понял всё и сло-жил дважды два слишком поздно. Я заставил твою маму пла-кать, но... Я её правда очень сильно люблю.

Смотрю на него и глаза краснеют от ненависти. Но не к нему... А к человеку смертельно на него похожему. Если бы можно было убивать на расстоянии, я бы сейчас именно это и сделала. Будь у меня кукла Вуду или типа того. Он бы всю мощь познал.

Есть что-то от ведьмы, да, Ник? Если бы было, ты бы уже лежал пластом и не мог шевелить конечностями...

Помню каждую фразу, что он мне говорил. Помню абсо-лютно всё. И предательство его живёт во мне словно случи-лось только что.

А его отец между тем смотрит на меня как на спаситель-

ную соломинку.

– Просто... Передай ей это. Прошу тебя... – протягивает мне конверт. – Я знаю, что не должен через тебя, но... Сейчас я вижу это лучшим вариантом для нас. И подумай об универе... Я всё ещё вижу тебя в этой специальности.

– Ага, спасибо, всех благ, – выхожу и нервно хлопаю дверью. Ощущение, что мне в горло залили раскаленное железо. Ведь было хорошее настроение, а теперь... Всё померкло перед глазами. Ненавижу просто...

Внутри заведения захожу и сразу же натыкаюсь на удивленную маму, как назло. Она будто что-то почувствовала тоже...

– Ой, я даже не заметила, как ты вышла... Всё в порядке? Будто плакала...

– Нет, мамуль, всё хорошо, – улыбаюсь я, спрятав конверт за спиной, и проскакиваю мимо...

Стоит ли говорить ей об этом? Стоит ли брать на себя такую ответственность?

И самое главное... Возвращаться ли обратно, чтобы показать Нику, что он не сломал меня окончательно, и я живу дальше...?

Визы

Наша девочка покрасила волосы)

Глава 2.

Никита Хорольский

Сердце сжимается в тиски. Кажется, что вот-вот лопнет от перенапряжения. Стоит только представить... Какая она сейчас? Всё такая же маленькая и милая... Такая же нежная и красивая. Такая же неземная, я уверен. Что могло измениться за месяц, верно? Ничего... Кроме её чувств ко мне... Но не она сама, точно.

П пульсирующей болью в груди отзывается это колющее слово «любовь». То, что я не сберёг, не сохранил, разрушил... То, что посчитал неважным и пустым. И как же теперь вынуть из груди этот ядовитый наконечник? Когда не видишь его, но чувствуешь. Когда он причиняет нестерпимую адскую боль...

– Значит, ты её видел...

– Видел, Ник... И сделал всё, как смог. Не знаю, вернётся ли... Даже не знаю, передаст ли Эльвире письмо...

Как же меня выворачивает от этого. Наизнанку просто. Я пиздец виноват перед всей семьей. И перед её матерью, и перед своим отцом тоже. Чувствую себя предателем. Я такой и есть.

– Бать, мне жаль...

– Ты уже говорил.

– Я ещё раз скажу... Всё было бы иначе, если бы вы не

утаивали, а сказали мне всё сразу.

– Я не мог такое рассказать. Ты бы возненавидел её. А я не хотел плохих отношений между вами. Я вообще не думал, что правда хоть когда-либо всплывет. Мы ведь взрослые. Я планировал начать жизнь заново, ведь ты уже вырос...

– Зато так я возненавидел тебя. И смотри, к чему это привело...

Отец хмурится в который раз, но нам уже ничего не остаётся, кроме как вести свой холостяцкий образ жизни. Он на сделках всё чаще. А я дома в одиночестве... Всё чаще в той самой комнате, где она жила... Схожу с ума просто.

В тот самый день, когда он вернулся и обнаружил, что ни Эльвиры, ни Жени, ни их вещей нет, я абсолютно всё ему рассказал. Про план матери, про всё, что мы придумали. Было стыдно – да. И в целом хреново. Потому что я чувствовал себя таким виноватым перед Женей, что даже слов нужных не мог подобрать, чтобы не материться... Отец охренел, конечно, но понял, что его офигеть как качественно наебали. С матерью у них получился скандал по телефону. Я слышал лишь его начало... Не знал даже, чем закончилось, потому что пошёл курить и провёл за сигаретами возле фонтана часа два точно. Меня колошматило, как последнюю мразь. Из-за всего, что случилось.

Между тем я надеялся на его помощь. Знал, что она сменила номер. Искал её повсюду. Через Натаху, через Лёху, но особо никто со мной общаться и помогать не хотел. И я пре-

красно понимал почему... Поступок был максимально мерзким. Да ещё и те фотографии. Понятно, что в итоге они никуда не ушли, но сам факт того, что я их сделал... И она это видела... Пиздец. С Лёхой чуть не разодрались. Тоже вышла тупая ситуация.

Тут уж ничего не могло оправдать меня.

И отец... Я отправил его к ней с единственной мыслью. Что если она для чего-то и вернётся, то не для меня и даже не ради своей мамы... А только для того, чтобы закончить учёбу в универе, который был для неё столь важен. Я ведь понимал это и помнил, как она горела тем, что начала учиться здесь. В этом был какой-то смысл. Я ждал, что сработает.

Это просто было дело времени...

На парах я медленно сходил с ума. Потому что ни один человек на свете меня, по правде говоря, не интересовал. Всё было похрен. Нужны были её пепельные волосы, ведьмовские зелёные глаза, милое улыбчивое личико, тонкий залихватистый смех. Нужно было только это для счастья. Для целостности, которую я сам же и поломал.

А не было в итоге ничего...

Сегодня её нет уже тридцать два дня. И да, я считаю... Прочитал кучу тупых книг, посмотрел сотню сопливых фильмов о любви, от которых меня буквально тошнило, но... Что-то для себя всё же уяснил. Любовь, если она действительно настоящая, просто так не проходит. Не заканчивается...

Она меняет тебя, сама трансформируется, где-то даже причиняет боль, как мне сейчас, но только так можно добиться результата. А без результата – мы обречены на провал.

И говоря мы, я имею в виду не только мудаков, вроде меня. Всех людей...

Я молюсь, что она выйдет на связь. Хотя бы один чёртов раз...

– Привет, мы можем поговорить?

Застываю в холле перед Кирой и пытаюсь обойти, но она ни в какую не пропускает.

– Ник...

– Ну что? О чём говорить?

– Ник, ну она ведь уехала...

– И чё? Тебе какое дело?

– Ник, мне правда жаль, что Костя тогда так сделал...

– Кир. От меня ты чего ждёшь? Ну, серьёзно? Я не планирую возвращаться к прошлому...

– А дружить? Мы ведь можем дружить...

– Как ты себе это представляешь? – нервно усмехаюсь, сжимая кулак от перенапряжения. – Вряд ли это возможно... И мне пора идти. Извини. – огибаю и всё же ухожу оттуда. Ощущение, что пол под ногами горит. Я не знаю почему я так остро теперь всё чувствую. Но мне кажется, что бегу от самого себя. От своего гнилого прошлого и от того, что меня связывает с той жизнью, когда я был вовсе не собой. А своей

дерьмовой версией.

С парнями так же общаемся, дружим, но облегчения мне это почти не приносит. Разве что на физре. При игре в футбол или баскетбол. Тогда атмосфера пиздеца более-менее размывается. Но что толку, если потом всё снова повторяется? Я уже не могу без неё...

Скоро лишусь рассудка. Хочется хотя бы на секунду прижать к себе, вдохнуть запах волос и... Не отпускать... Забыться.

Словно в нём мой покой.

Да так и есть, очевидно. Если по-другому я не могу успокоиться. Порой кажется, что готов пол дома разнести от собственной тупости. И нахуй я так вёлся? Почему не слушал сердце?! Какого хрена вёл себя как придурок вообще?! Всё же было очевидно с самого начала. У меня и тело моментально отреагировало. Даже на Киру никогда так не стоял. Никогда... Это очевидно просто было. Запах привлекал. Расстояние манило. Хотелось просочиться сквозь стену и оказаться рядом с ней. На одной кровати... При том, что она казалась мне врагом. Нет...

Тупицу вроде меня ещё поискать надо... И то вряд ли получится найти.

Пары одна за другой скучные, бесполезные, совершенно посредственные. Чувствую, что мне даже не хочется тратить здесь время. Проще уйти домой, забиться в угол и сидеть там до посинения, пока у меня гнильё изнутри всё не вылезет.

Так в результате и делаю... Даже за руль сегодня не стал садиться. Бреду по полупустой улице и взгляд мой случайно задерживается на тусклом свечении окна какого-то заведения похожего на клуб по боксу. Внутри – гул голосов, запах пота и тяжёлого спорта. В какой-то момент моё сердце сжимаются от непреодолимой тяжести – чувствую, что внутри всё кипит, как давно не кипело. На душе – хаос, словно шторм без конца, и я понимаю, что мне нужно что-то оставить позади, сбросить этот груз, иначе я просто не смогу жить дальше. Уже не могу...

Собираюсь зайти туда, чтобы просто драться – не за победу, не за медаль. Просто за то, чтобы выплеснуть эту боль, разрушить её в кулаках, чтобы услышать что-то, кроме пустоты в себе. Иначе она меня просто поглощает.

Внутри меня – желание показать, что я ещё жив, что я способен бороться, даже когда мне кажется, что весь мир против меня. Потому что сейчас мне нужно, чтобы кто-то услышал мой крик, почувствовал мою ярость и брошенные в бой руки.

Я делаю шаг к двери, ощущая, как в груди пульсирует желание и страх одновременно. В глубине душе я знаю это не просто пиздилки. Это попытка ожить, найти себя среди этой боли, которая всяко пытается меня сломать. И в этом моменте я понимаю, что больше ничего не стоит так высоко, как моя свобода на ринге, даже если он будет лишь временным убежищем от всего, что разъедает мою душу...

Я хочу попробовать найти что-то своё и остаться там, если вдруг это принесёт мне умиротворение...

Очередное утро и то встречает меня с желанием сдохнуть. Тренер сказал, что это хорошо. Что у него таких, как я была целая тьма и большинство из нас там лишь заблудившиеся путники, пытающиеся спрятать душу и залатать свои кровоточащие раны. Удар обещал поставить, потому что техники у меня никакой. Есть только дурость и мышцы. Которые он рекомендовал тщательно подпитывать. Но у меня вместо этого регулярный голод. Я, наоборот, похудел. Нет аппетита... Ещё бы он был, блин, после всего...

Он меня буквально сразу спалил.

Теперь планирую ходить на тренировки минимум четыре раза в неделю, чтобы максимально погрузиться в себя и свою ракушку. Тут нет знакомых, нет никого, кто бы осуждал. Только я и мои кулаки. Удобно. Даже слишком.

Никто не посадит клеймо, хоть я и заслужил.

После обеда ещё три пары. Хожу я сюда только ради отца по сути. Уже планирую бросить и отказаться от всего, потому что потерял всякий смысл, если честно.

Мама до сих пор пытается связаться со мной, но я игнорирую любые попытки, потому что видеть её не могу. Связь с отцовским компаньоном, такое подлое отношение к нам обоим, что у меня даже в голове до сих пор не укладывается.

И главное, ведь ни слова не сказала мне о том, что причи-

ной раздора является она сама... И я такой дурак, блин.

Сажу на экономике и слушаю лекцию, когда вижу несколько пропущенных от отца.

«Пап, я на паре, не могу говорить. Потом у меня тренировка. Вернусь в восемь», – отправляю сообщение, прислушиваясь к разговору Тохи и Вано, которые обсуждают очередную вечеринку, на которую я ни за что не пойду. Больше никогда. Проще реально накидаться одному и закрыть этот гештальт, если он того требует. Но на подобного рода мероприятия я точно больше ни ногой. Ибо нахуй надо.

По окончании лекции закидываю шмотки в рюкзак и тащусь на следующую пару. Уже даже не засекаю время и не смотрю расписание. Как баран иду за толпой, пока вдруг что-то не врывается в меня на скорости со всего размаха. Будто пулями насквозь в решето...

Кровь замедляется. Остановка сердца.

Сначала думаю, что просто привиделось. Показалось...

Потому что... Ну, не может, сука, этого быть.

Улыбка, профиль, ноги, кеды, смех...

И волосы розовые.

Кажется, она мне с расстояния в пятнадцать метров душу всю вытрясла. Ничего при этом не делая. Но я труп уже...

Женя стоит с Лёхой. Смеётся. Выглядит иначе...

Подвисяю, когда Тоха обхватывает меня за плечо. Встаёт рядом и с горечью друга выдыхает:

– Идёшь, Ник?

– Тоже её видишь? – спрашиваю, а то мало ли... Вдруг с ума просто сошёл и она стала моим видением... Нагадала там что-то по своим книжкам и теперь преследует меня, как дух ушедших дней?

– Вижу. Но вам сейчас точно не стоит контактировать... Лучше пошли за мной, – он тянет меня за собой, но мне на душе ни хрена не спокойно. Если она вернулась, то мне нужно узнать для чего. Если вернулась, то я хочу поговорить с ней. Хотя бы в глаза после всего взглянуть, если, конечно, не слягу после этого окончательно...

Глава 3.

Евгения Хомова

Я всё-таки решилась поехать туда... Мне ещё нужно поработать две недели, чтобы получить зарплату, но... Мы с мамой пока присмотрели квартиру... Письмо я ей отдала. Не смогла скрывать от неё, что он приехал. Она приняла, но я не знаю, открывала ли. Спросила только, как он выглядел. Я ответила честно, что хорошо. Даже если у него глаза были покрасневшими...

Когда столкнулась в универе с Лёшей, счастьем не было предела. Я всегда рада его видеть, а в тот день была особенно. Потому что мне нужен был близкий человек там. Хотя бы один. На Ника прямо не глазела, но это не значит, что я его не заметила. Я просто сделала вид, что совершенно равнодушна к его персоне. Злость и ненависть демонстрировать не хотела, тем более что это не имело никакого смысла. Он, конечно, пялился не переставая. Но я смогла сдержать порыв подойти и вмазать ему по лживой морде.

Я приехала только для того, чтобы восстановиться и сообщить о том, что смогу приступить к лекциям лишь через две недели.

Находилась в здании примерно десять минут и так же быстро исчезла оттуда. Слава Богу, он не искал со мной встречи и не пытался поговорить. Хотя взгляд его, конечно,

я запомнила.

Ровно в этот же вечер вернулась обратно в Питер. Сердечно всё ещё болело и изнывало в груди. Я переживала, что приняла неправильное решение, но мама убедила, что именно первое решение всегда правильное. И раз мне захотелось продолжить учёбу, то именно это мне и нужно. Мы договорились, что отныне наши отношения с Хорольскими не зависят друг от друга. Если она захочет помириться с Сергеем, я не буду препятствовать, но и жить туда больше ни за что на свете не поеду.

«Ты точно решила? Справишься, детка?».

«Справляюсь, Наташ... Мне пора, клиенты пришли», – бросаю взгляд на толпу парней и снова встречаюсь с теми самыми серыми глазами, которые жрут меня уже издали. Не может быть... Снова он. Специально, что ли? Ещё и дружкой сюда привёл...

Сразу же отворачиваюсь и жду, когда ко мне обратятся. Слышу мужской гогот и волнуюсь, покрываясь мурашками. А он становится первым.

– Привет, Женя...

Замечательно, блин...

– Откуда знаете моё имя?

– Легко было узнать. Розововласая красавица из кофейни, в которую я приезжал сюда на протяжении двух лет. Сама как думаешь?

– Я раньше Вас не видела здесь... Что по заказу?

– Меня не было этот месяц... Планировал переезд по работе... Вот так совпало...

– Понятно, – отвечаю, пока его друзья рассматривают меня со стороны.

– Внимания не обращай, они просто такую красоту только на экранах видели...

Молчу, встав в позу, и он усмехается.

– Три кофе, пожалуйста. И какой-нибудь офигенно вкусный пирог. Имеется у вас такой?

– Возможно. Сладкий?

– Самый сладкий из всех...

Господи, он издевается?

– Ага. С Вас семьсот пятьдесят. По карте?

Рассчитываю его и иду делать кофе, не обращая внимания на их взгляды.

Сердце в груди всё равно тарабанит, потому что я после того случая ощущаю себя максимально уязвимой. Кажется, что всё нутро наизнанку перед посторонними людьми.

– Ваш кофе и пирог, – ставлю на стол и только хочу уйти, как...

– Жень...

– М? – оборачиваюсь. – Что-то ещё?

– Дашь свой номер?

– Я так не думаю...

– Почему?

– Я уже говорила...

– Про парня я просто не верю. Потому что не видел, чтобы он забирал тебя или встречал после работы...

Он обвиняет меня во лжи? И что, мне интересно, ответить ему на это?

Кажется, покрываясь бурыми пятнами от стеснения и стыда за обман, молчу...

– Я бы просто хотел сводить тебя куда-нибудь...

– Зачем?

– Потому что понравилась... Нет никаких дополнительных причин... Представляешь? – ухмыляется он, глядя на меня. – Ну же... Соглашайся...

– Это не имеет смысла... Потому что я переезжаю через две недели, – отвечаю ему, и он меняется в лице.

– Куда, если не секрет?

– В столицу...

– Вот совпадение, – обхватывает его друг за плечо. – Он тоже...

– И что это, если не судьба, Женья? – спрашивает он у меня, пока я зажимаю поднос в руке. – Ну оставь мне номер... Я бы очень хотел встретиться.

Господи... Неловкое молчание съедает мне последние нервы...

– Ладно. Хорошо, записывай. Только учти, что у меня плотный график. Учёба и, скорее всего, работа, так что...

– Я понял. Отвлекать там не планировал. Только когда сама захочешь, пишу... Не буду навязчивым.

Убирая со стола за ними, смотрю им вслед и не знаю правильно ли сделала, что дала ему номер. С другой стороны, это всего лишь номер... И мне необязательно с ним видеться. Возможно, он и сам обо мне забудет после переезда...

Да и мне не особо это сейчас важно, потому что у меня все мысли до сих пор о...

Нет, нет, нет...

– Кто это был? – неожиданно слышу мамин голос и вздрагиваю.

– О, Господи, напугала, мам...

– Извини... Симпатичный...

– Ага... Как будто это важно, – вздыхаю и уношу поднос, пока мама идёт за мной.

– Жень...

– М?

– Слушай... Я уже внесла залог на всякий случай. Чтобы мы не лишились такого варианта...

– Да? Тогда здорово... А-то я уже готова была передумать, – смеюсь, глядя на неё, а она обнимает меня сзади.

– Погоди, Жень... Если ты не хочешь...

– Нет, мам. Я пошутила. Я уже решила. Мы должны поехать. Тем более, ты тоже хотела...

– Я хотела из-за Серёжи, Женя... – выдыхает она, и я оборачиваюсь, убрав поднос на столик.

– То есть... Ты решила...

– Я пока ничего не решила. Просто... Я скучаю по нему. И

понимаю, что нам нужно нормально поговорить... Но если ты против...

– Мам... Это твоё право. Я не буду лезть. Мы ведь договаривались с тобой. Что исключительно не лезем в отношения друг друга... Больше нет.

– Ты считаешь меня душой? – спрашивает она, скусившись, и я обнимаю её.

– Мам... Конечно, нет... Ты что? Я понимаю, что ты чувствуешь...

– Спасибо, Жень... Я не собираюсь так легко прощать, но... Я его люблю...

Господи. Если бы она только знала, как это слово отзывается у меня внутри... Любовь. Мерзкое отвратительное чувство. От него нет ничего хорошего, если оно не взаимно, а, как правило, так и есть.

Я уже не верю в то, что два человека могут что-то обоюдно чувствовать. Мне кажется, что один всегда лжёт и пользуется любовью другого.

Но не буду же я портить мамино представление о мире. Она всегда была такой. Доброй, ранимой, любящей... Мне кажется, это у меня внутри сейчас что-то перемкнуло, потому что как представляю, что первый парень, кому я отдалась, поступил со мной как с лакмусовой бумажкой, так мне хочется пойти и утопиться.

Боюсь хоть что-то говорить, поэтому просто жалею и глажу её по спине.

Чувствую себя максимально хреново. Понимаю, что, если они всё же соберутся быть вместе, мне придётся хоть иногда, но видаться с ним. Так же, как и в универе. А, значит, нужно точно так же возвращать в себе пофигизм и равнодушие.

Рабочий день заканчивается, и мы с мамой направляемся домой. Едва выходим из кафе, как раздаётся автомобильный гудок, и я тут же оборачиваюсь.

– Можно вас подвезти?

Господи. Снова он. Ещё один мажористый... Только не это.

– Нам тут рядом, мы пешком...

– Ты даже имени моего не спросила, – улыбается он, а мама тычет меня локтем и смеется.

– Очень смешно, конечно... Мааам...

– У меня нога болит, давай доедем, а?

– Ты врушка, – начинаю щекотать, и она смеётся.

– Меня Кирилл зовут. А Вас как? – обращается к моей маме.

– А меня...

– Мама... – хмурюсь, и она тут же замолкает.

– Слушай, Кирилл. Ты обещал быть менее навязчивым...

– Я обещал быть менее навязчивым в Москве. Не здесь.

Так что... Тут могу им быть...

– Ну и наглость...

– Садись, подвезу... Наверняка устали после работы...

Я вздыхаю и всё же соглашаюсь. Сама не знаю почему.

Просто порой легче один раз согласиться, чтобы кто-то отстал. Они знакомятся с моей мамой. Я же при этом еду молча, словно воды в рот набрала. И сижу позади него, хотя он сверлит меня взглядом через зеркало заднего вида. Я не говорю, что он не красивый... И что отталкивает. Всё не так. Но одного красивого мажористого придурка мне уже хватило...

А этот приехал на такой машине, что у меня не остаётся сомнений, блин. Он один из них.

– Вот здесь...

– Здесь?

– Да... У нас скромное жилище...

– Заметь, а я ничего не сказал... – выдаёт он, и я потопрапливаю маму, чтобы выйти. – Жень... Подожди... Можно наедине пару слов.

Притормаживая, даю маме добро, и он оборачивается.

– Красивая ты безумно, конечно...

– Это всё? – спрашиваю, ведь он не отлипает от меня взглядом. А у меня уже щеки горят от стеснения.

– Нет, не всё... Не знаю, кто тебя так сильно обидел, но я обещаю, что не сделаю так... Мне ты можешь верить...

– Знаешь... А забавно, – улыбаюсь я в ответ. – Ведь он говорил мне ровно то же самое. Всего тебе хорошего. – выхожу из машину и закрываю за собой дверь, схватив маму за руку.

Мне не важно хороший он или плохой. Я в целом не хочу пробовать.

Скрываемся в подъезде, и мама с грустью выдыхает.

– Я очень переживаю за тебя. Прости, если вела себя неправильно.

– Да я просто не вижу смысла нам с ним общаться.

– Жень... Я знаю, что он обидел тебя... И знаю, что ни одни слова на свете не способны эту боль залечить, но не думаю, что все люди такие... Понимаешь?

Мы заходим в квартиру, и я начинаю разуваться.

– Я понимаю, но сути это не меняет... Сейчас я ещё не готова ни к чему.

– Да... И это я тоже понимаю. Но мальчик милый...

– Ага, иди давай, – смеюсь, погнав её в ванную мыть руки первой.

Пока стою, мой телефон издаёт вибрацию.

«Обронила. Теперь точно есть повод встретиться», – присылает мне фото одной из моих перчаток, которая, видно, вылетела из кармана. Блииин. Ещё чего не хватало.

«Заберу и всё. Не надейся!».

«Злючка какая. Окей. Когда?».

«Завтра. В десять в кафе. Не опаздывай».

«Ок. Принял, мадам».

Качаю головой, пока мама загадочно улыбается, глядя на меня и проплывая мимо.

– Что?

– Ни-че-гоооо, – выдаёт хитро и исчезает на кухне, а я смотрю на себя в зеркало...

Всего месяц прошёл, а я из доброжелательной девушки превратилась в грубого параноика... Мне правда страшно что-то начинать, потому что я опасаясь повторения истории. Это предательство я запомню навсегда.

Что бы там ни было... То, как подло он поступил. Как ранил меня ни одним поступком, не исправить. Не потушить этот огонь в груди, потому что там уже всё догорело дотла.

– Жень, ты будешь запеканку? – прерывает мама порыв моих мыслей, которые вертятся вокруг ненависти к нему.

– Да! Скоро приду, – кричу в ответ, хотя слёзы катятся по щекам. Тяжело сдерживать порывы разрыдаться. Потому что я вижу, что он сделал со мной и понимаю, что даже глаза мои потускнели от этого.

Но пора по-тихоньку собирать вещи и готовиться к переезду...

Жизнь продолжается. Время лечит... И...

Мне придётся стать сильной. Несмотря ни на что...

Глава 4.

Никита Хорольский

С тех самых пор, как видел её в последний раз прошло около двух недель. Образ живёт внутри, однако, я безумно жду её нового появления.

Снится, мерещится, доводит до ручки.

Каждую ночь мучает. Качественно и невыносимо. Приходит ко мне, рядом сидит, улыбается... Касается, шумно дышит, извивается подо мной. Аж мурахи по коже бегут табуном.

Раньше думал, не бывает так, а оказалось, что ещё как бывает.

И мужики страдают. И мужики чувствуют... И мужики ощущают, что сердце не только качает кровь, но и выбирает себе спутника... Вот и моё выбрало. Уже кажется, что навечно. Как бы сопливо ни звучало, но порой нам нужно лишь одно мгновение, чтобы понять, что выбор был сделан правильно. Вот и у меня случилось точно так же... Только я сам же этот выбор и просрал.

От пацанов слышал, что она решила вернуться. Каждый день ждал, но как понял, её там что-то держит. Наверное, её работа.

Лёха знает о моих чувствах. И рассказывал мне немного, как ни крути. Он меня понял. Даже если и не разделяет моих

страданий, ведь я виноват во всём сам, но... Он хотя бы в курсе, что я больше не лгу.

Знаю, что она работает бариста в какой-то кафешке. Знаю, что пытается забыть меня, как страшный сон. И знаю, что не заслуживаю такую как она... Я всё это знаю, но лично сам её забыть просто не в состоянии. Никогда.

Она мне под кожу уже вросла, в кровь влетела своими сгустками. Полностью меня изменила. Мою структуру, мою человеческую суть. Все мои суждения и стереотипы. Она меня незаметно подшлифовала под себя. И я не скажу, что это плохо... Нет. Это, наоборот, хорошо. Ведь это говорит о том, что ради любви я готов быть лучше... И я пытаюсь. Искренне.

Могу сказать, что трени меня реально спасают. Там можно разгрузить мысли. Кулаками выбить всю злость и отчаяние, что сидят на поверхности...

Только так я справляюсь с этим давящим в груди чувством, с демонами внутри себя. Только так эмоционально удаётся вывезти весь негатив, что на меня свалился. Хотя я сам же его сею... Как ни крути.

Только с ней я чувствовал, что мгла внутри меня рассеивается. Что я перестаю быть тем Ником, который умеет только ненавидеть. Становясь лучшей версией себя. Только рядом с ней. Потому что она для меня была и остаётся особенным человеком...

Этим утром встаю чуть раньше обычного, потому что не

спится с пяти часов. Моюсь, отжимаюсь, завтракаю. Всё по списку... Чувствую себя не как человек, а как консистенция... Жижа, проще говоря.

Меня этой жизнью размазало о суровые реалии...

Но выбора нет. Нужно идти на учёбу.

Сажусь в тачку, еду до универа...

Мысленно пытаюсь вообразить, что было бы, если бы сидела рядом. Если бы держала за руку и что-то рассказывала... Всё время думаю... Как краснели её щёки в этот момент. Вспоминаю и уплываю окончательно, чуть не въехав в какой-то столб. Заебато вообще... Осталось только в аварию попасть. Тачку ведет, как не родную. Или будто я перестал ощущать руль в своих руках.

Но доезжаю без эксцессов, как ни странно. Паркуюсь и тащусь на лекцию... Встречаясь с Лёхой взглядами, пока он переписывается с кем-то.

– Дарова...

– Привет.

– Чё каво... Вид такой, будто с того света вернули.

– Ага... Типа того. Чему радоваться?

– А ты должен радоваться. Женька же вернулась, – выдаёт с усмешкой, а у меня в грудке сердце увеличивается в размерах. Кажется, сейчас выместит рёбра, переломав их нахрен. И долбит так, что оглушает, размывая Лёхины слова и окутывая меня вакуумом.

Еле удаётся выбраться оттуда.

– Всё? Точно? Вернулась?

– Ну я её видел. На пару пошла, – отвечает он, вызвав диссонанс у меня внутри. Хули делать? Идти к ней сейчас и отрывать от учебного процесса? Да она меня на хуях оттаскает. Не то, чтобы я боюсь, что она так сделает. Нет, конечно. Пусть хоть с говном смешает. Просто я не хочу намеренно провоцировать.

А поговорить нам всё равно надо...

Даже если упасть на колени перед ней придётся. Пусть хоть голову мне снесёт гильотиной. Я уже не знаю, как прекратить эти мучения из-за всего, что натворил, блин. И отца измучил, и себя, и их...

В итоге иду на пару... И всю лекцию моё колено под столом ходит ходуном, потому что я нестабилен. Меня уже несёт. Пиздец... Никак не могу взять себя в руки.

Мать больше не звонит. Уже десять дней как, на самом деле. И я ощущаю, что ей максимально похуй на мои страдания. Волнует только то, что отец остался по итогу один. Она, блядь, радуется. Я уверен... По натуре такая. Когда всё всплыло, я тупо в ахуе сидел. Не знал ведь, что она так поступила с отцом. Вообще ничегошеньки не знал, но, когда он поделился со мной, мне так погано стало, что словами было не передать. Я ведь верил ей. Думал, она, сука, страдает. Что он предатель, что он накосячил, а оказалось, блядь...

Это будет мне уроком. Я никогда больше не стану лезть в чужие отношения, потому что всё испортил... Во всём

остался виноват... И свои разрушил своими же руками. Единственное, что приносило мне счастье... Я не сберег и не сохранил.

С горем пополам досиживаю до конца и тащусь в холл, пытаюсь отслеживать её там... Смотрю по сторонам, пока в глаза не бросается уже знакомая нежно розовая макушка. Непривычно, но я сразу же её замечаю.

Моментально всего как током бьёт. И сердце... Оно, сука, вообще неадекватно реагирует. Будто похуй ему на своего обладателя. Норовит меня уничтожить. Видимо, потому что я в своё время точно так же рвался воевать против него.

Еле собираюсь с силами, чтобы дойти до неё. И то весь плавлюсь по пути как пластилин на солнце. Не могу я... Я просто не выдержу... Сука... Рассыпаюсь по пути на крупички, теряя форму, но...

– Привет, – здороваюсь, взглянув в глаза, и она, болтая с какой-то девочкой, лишь ежесекундно оборачивается, а потом делает вид, что меня рядом нет. – Жень... Можно тебя на пару слов... Буквально на одну минуту... Жень... – касаюсь плеча, и она тут же отряхивает его.

– Я занята, ты не видишь?

Выпрашиваю внимания, как какой-то задрот, реально.

– Вижу, – проглатываю ком, а она смотрит так. Иначе совсем... Аж по телу холодок проносится. Я не привык её такой видеть. Крайне враждебной. Или ещё хуже... Безэмоциональной.

– Я сейчас, – предупреждает свою подругу и делает шаг в сторону. – Ну чего тебе?

– Я извиниться хотел...

– Что ж... Своевременно...

– Я давно хотел. Ещё в тот первый день... Слушай, ты можешь думать, что я врал, что я предал, но это не так... Я хотел это сделать. Хотел... Но остановился. Я понял в чём мой косяк. Не собирался причинять тебе боль...

Она смотрит с непробиваемой бронёй и нервно усмехается в ответ.

– Могу заверить тебя, что у тебя не вышло. Я её ощутила...

– Я знаю... И мне жаль.

Проклятие, как же давит грудную клетку. Осматриваюсь и понимаю, что многие на нас с ней таращатся, как на сцену из спектакля. Ещё и Кира вокруг летает, будто коршун, блядь, над головой. А у Жени такой вид, словно ей реально всё до пизды. Я её больше той прежней не чувствую... Глаза не горят, тело не отзывается. Стоит, вытянувшись струной, и просто кивает.

– Хорошо, – отвечает равнодушно.

– Хорошо...? И всё? Я рад, что ты вернулась...

– Я тоже рада, – пожимает она плечами. – Я вернулась, чтобы доучиться. А чего ты от меня ждёшь?

Вопрос, конечно, хороший. Я жду, что ты скажешь, что всё поняла... Что ты всё ещё меня любишь, как и я тебя...

Я жду, что ты поймёшь, что я не предавал тебя. Что я оступился лишь на короткий миг, но выбрал правильное направление... Ком, что сдавливает горло, не даёт мне всё это произнести. Да и не здесь это должно быть сказано... Слишком много людей и слишком мало эмоций между нами. Словно все они растворились в одночасье. Или же прячутся за толстым слоем пыли и недопониманий.

Если бы она только знала...

– Мы... Можем... Начать всё сначала? – спрашиваю дрожащим голосом, и она сверлит меня своими зелёными ому-тами, мотая головой.

– Ник-Ник... – выдыхает устало. – Ничему тебя жизнь не учит. Нет. Мы не можем. И я хочу, чтобы ты держался от меня на расстоянии. Потому что так всем будет лучше.

– Кому? Кому всем? Мне точно нет.

– Хотя бы мне. А что там будет с тобой мне не важно, потому что я ничего больше к тебе не чувствую, извини. Я пойду, – развернувшись, начинает уходить, а у меня ресурсов не хватает просто смолчать, сука.

Ощущение, что в секунду становлюсь вулканом, готовым стереть с лица земли весь универ и нас с ней тоже. Я не пожалею никого, потому что такой с самого рождения. И похуй мне на всех!

– Ты притворяешься просто... – рычу ей в спину. – Нахуй это всё нужно?! Женья, блин!

– Не понимаю о чём ты!

– Да ты просто закрываешься сейчас и всё. Ты никогда такой не была раньше!

– Не тебе меня учить, Ник! Какая была, такой больше нет!
– ответно огрызается.

– Нет, стой! – обхватываю за запястье, и она тут же дёргается. Цедит с такой злостью, что у неё глаза краснеют:

– Не смей... Меня. Трогать. У меня есть парень. А между нами с тобой всё кончено. Ты понял?

– Чё... – спрашиваю, немного зависнув. Какой, нахуй, парень, блядь. Чё за херню она мне сейчас выдала... Бред.

– Всё, не подходи, – уходит, пока я смотрю ей вслед весь на нервах, сука.

У меня аж челюсть скрипит от пиздеца, что разрастается внутри. Ну, врёт же... Она врёт, блядь. Нет у неё никакого парня. И я понимаю, что обидел её... Я это осознаю, только мне от этого нихрена не легче. Как серпом по яйцам сейчас прилетело.

Не бывает же так... Отдалась, через месяц разлюбила, за-была... Да, блядь. Я ни в жизнь не поверю... Чего добивается? Почему не слушает? Хочет унижить? Неужели не видит, какая дичь со мной происходит...

– Ты чё завис, Ник, – толкает меня в плечо Тоба. – Идём на пару...

Даже слова друга сейчас повисают в воздухе дымкой. Плохо соображаю, потому что всего выворачивает наизнанку после её выпада.

– Не... Покурю пойду. Нервоз какой-то... – отвечаю и тут же тащусь на улицу, схватив сигареты. Ещё бросить хотел. Теперь оторваться от них не смогу, блин. После всего...

«У меня парень есть, я ничего больше к тебе не чувствую»...

Сука, блин...

Кулаки чешутся теперь. И, как назло, не подраться даже...

До самого окончания пар я в таком состоянии. Меня всего колдоёбит, как на виражах. Словно в груди теперь настоящий пожар разрастается. Горит огнём всё тело...

Когда стрелка часов переваливает за пять и у нас заканчиваются пары, я иду на крыльцо с одной целью... Чтобы подкараулить её и снова поговорить. Не так, значит, измором возьму. Потому что не выведу я подобных качелей. И так всего ежесекундно штормит...

Однако стоит выйти, я уже вижу её вдалеке, сядящуюся в тачку к какому-то парню, которому она улыбается, и они уезжают, пока душа моя наполняется стекловатой...

Глава 5.

Евгения Хомова

Если бы за это давали Оскар, я бы уже его получила...

Смотрела ему в глаза в холле и хотелось плюнуть в лицо. Хотелось сделать больно. Уничтожить... За всё, что он мне сделал... За эту бесконечную непрекращающуюся боль... За мысли, раздирающие грудь на части. За воспоминания о несостоявшихся отношениях. Моих первых отношениях...

Но я горжусь собой, что сдержалась. Что сделала максимально обидно для него.

Кирилл же, между прочим, не отдавал мне перчатку в Питере целых две недели. Выманивал, но не отдавал...

В этот раз я улыбалась ему с одной единственной целью – поставить врага на место.

И когда сажусь в его машину, оговариваю всё на берегу. Ибо не собираюсь вступать в какие-то новые связи.

– Если ты и в этот раз не вернёшь её, я...

– Вот... Я просто хотел узнать, где учишься и быть уверенным, что смогу караулить тебя дальше... – смеётся он и наконец возвращает мне мою вещь. – Всё в порядке? Загруженная какая-то...

Смотрю через стекло в сторону крыльца и победоносно выдыхаю, заметив, как Ник мечется от тревоги. Его рожу надо видеть. Шах и мат, придурок. Будешь знать на этот раз.

– Всё хорошо. Довезёшь меня до дома, пожалуйста?

– Я думал, мы в кафе поужинать...

– Кирилл, извини... Но я сегодня правда не могу... Хотела вернуть перчатку и всё... – морщусь, на что он вздыхает.

– Ладно, поехали, – заводит машину, и мы уезжаем оттуда прочь, оставив Ника пыхтеть и сходить с ума от ярости, которую я чувствую даже на расстоянии. Он же собственник... Я представляла заранее, каково ему будет...

Так вот пусть получает теперь. Я точно жалеть не стану...

Пошёл он в жопу!

По пути домой Кирилл постоянно поглядывает на меня и мне правда не хотелось с ним взаимодействовать. Но в Питере он приезжал за мной каждый день, блин... И каждый раз прятал от меня перчатку.

Мы много общались... Вынужденно.

Я, конечно же, как с другом. А он... Он, кажется, вовсе нет, но...

Я сразу объяснила, что не собираюсь с ним встречаться. Никаких поцелуев или походов в кино. Он вроде как понял... Только вот...

По его поведению так точно не скажешь. Порой он такой непредсказуемый, блин... И такой твердолобый. В этом он чем-то похож на Ника.

– Пока... Я пойду, спасибо, что довёз...

– Жень...

– М?

– Слушай... Если не кино там... И прочее... То в музей со мной сходишь?

– Музей? Ты серьёзно? – смеюсь в ответ. – А чем это отличается?

– Ну, это не для свидания... Типа просто... Хочу ознакомиться со здешним искусством... – говорит он и улыбается.
– Ну как? Ты за?

– Слушай, Кир... Давай так. Если я буду готова, я сама тебе напишу, ладно? Явно не сейчас... Спасибо ещё раз за найденную вещь, – выбегаю из его машины и быстро исчезаю в подъезде, не давая ему надежды на что-либо.

Быть может, я поступаю неправильно... Может и не стоило так себя вести. Даже в машину не нужно было, наверное, садиться... Но...

Как представляю, какую боль ощутил Ник, так внутри сразу всё расцветает...

Потому что нельзя сначала вытереть ноги о человека, а потом делать вид, что ты весь такой бедный и несчастный сожалеешь... Нельзя!

Дома окончательно выдыхаю. Мамы нет, она нашла новую работу в кафе, а ещё они виделись с Сергеем. Не знаю, что там дальше между ними. Стараюсь не думать. Это лишнее... Мне нужно переживать о собственных эмоциях.

Сейчас нахожусь в поиске работы. Было бы неплохо совмещать. Чтобы денег на всё хватало. Хотя моя учёба и оплачена, но мне хочется помогать маме с продуктами, арендой

и другим. Деньги у Хорольских я ни за что брать не стану. Да и вообще с ними дружить. Если мама и будет с ним, то...

Я буду просто приходящей в их дом на праздники.

Я так решила.

Вечер провожу в одиночестве, переписываясь с Наташкой. У них с Лёшей какой-то план нарисовался... Я думаю, что он поедет за ней туда. Но пока они об этом прямо не общались... Однако, я рада за них.

Что у них не так, как у нас...

Ведь никто не ожидал даже, что Ник способен на такую подлость.

Познакомилась с девочками из группы ближе. Начала общаться. Они вполне милые и прикольные. И хотя с моей Наташкой никто не сравнится, но мне хотя бы есть с кем взаимодействовать в универе.

Болтаю ножками, слушаю музыку, делаю реферат в ожидании маминого возвращения.

Как всегда, получаю сообщение от Кирилла...

«Красивая, я уже скучаю по тебе, розововласка».

«Я занимаюсь».

«Есть пять минут?».

«Нет пока. Извини».

«Ну ладно... Смотри, что купил», – присылает фото пушистой шапки с кошачьими ушами... На себе... и я смеюсь.

«Тебе идёт».

«Это для тебя».

«Нет, спасибо. Сам носи!».

«Ну милая же... С твоими волосами будет охрененно. Кошечка».

«Ага, точно», – отправляю, хихикая, и неожиданно у меня всплывает ещё одно диалоговое окно. Я моментально напрягаюсь, потому что понимаю, что Ник у меня в чёрном списке, а это... Тот самый Женья Т., прекрасно...

«Я тебе не верю... Ты не можешь быть с ним», – приходит сообщение, и меня прям-таки бомбит. Кровь мгновенно разжижается и начинает бурлить внутри меня. Какая же сволочь. Не верит он. А мне плевать.

Ничего не отвечаю, а через несколько минут мне приходит ещё одно сообщение.

«Я помню тот день, проведенный вместе. Будто вчера, блин, Женья. Поговори со мной. Ты же знаешь в глубине души, что я не врал».

Вот тут меня буквально уносит от злости. Я превращаюсь в шторм!

«Ненавижу тебя! Ненавижу... Ты...», – стираю всё до единой буквы, потому что писать это, значит... Сдаться! А я не сдаюсь!

Этого никогда не будет, блин! Не на ту попал!

«Я ничего не знаю. Веришь ты или нет, это факт. И больше не пиши, он очень ревнивый», – нарочно отправляю и улыбаюсь, сжимая в кулаки уголок подушки. Давай, чудови-

ще, сходи с ума! Рви и метай, как ты любишь! У тебя это отлично получается! Но я лёгкой добычей больше не стану! Можешь не надеяться!

«Да мне похуй, какой он. Я ему ебало набью, если ещё хоть раз возле универа нашего увижу!».

«Ой-ой-ой... Напугал. Иди в жопу, Ник!».

Пересылаю переписку Наташке со смеющимся смайлом, и она отправляет в ответ такой же.

«Так его... Придурок, блин! Женька, горжусь!».

«Сама собой горжусь. Ненавижу его после всего!».

«Он ещё ползать будет, уверена. Закрылся весь. Нигде не появляется. В какой-то драчильный клуб записался».

«Какой ещё драчильный клуб?», – спрашивает, нахмурившись.

«Ну типа, где дерутся. Не знаю, что там и где... Но пар так сбрасывает. Лёша сказал его теперь не вытянуть оттуда».

Когда читаю это, в груди что-то шевелится. Наверное, потому что это какие-то новые подробности его жизни. Я всё ещё злюсь на него. Всё ещё ненавижу... Но...

«Жень, дай мне один раз с тобой поговорить... Наедине. Где мы вдвоём. Я прошу тебя».

«Нет».

«Я тебя люблю. Жень...».

«Ага. Спокойной ночи», – отшвыриваю телефон в сторону и всё внутри меня горит синим пламенем. Ужасно больно. Особенно слышать слова, которые он повторяет как бы меж-

ду прочим. Будто я должна реально на это дерьмо купить-ся... Злость внутри такая, что я стискиваю челюсть до боли.

Мне хочется сделать что-то необдуманное. К примеру, пойти с Кириллом в тот чёртов музей! Хотя я знаю, что это неправильно и пользоваться другим человеком бесчестно! Точно так, как Ник со мной поступил.

Нет, я так не могу...

Долго не удаётся продолжить заниматься, пока вдруг не слышу звуки из прихожей. Лечу туда и сразу же сканирую маму с огромный букетом розовых пионов в руках.

– Женюш...

Смотрю на неё и тянусь перенять букет, чтобы помочь. Сердце уже устраивает диверсию. Злится на этого обольстителя. Но я уговариваю себя...

Это... Не твоего ума дело, Женя!

– Привет...

– Как ты тут? Ужинала?

– Немного поела, да... Уже думала лечь...

– А я задержалась. Извини меня...

– Ничего страшного. Я уже взрослая, мам...

– Да, слушай... Цветы в воду надо поставить, – тут же начинает суетиться, пока я смотрю на неё со стороны и только пытаюсь найти нужные слова. А их, как назло, нет... И получается, крайне бестактно...

– Ну и что вы решили?

Блин... У мамы такой взгляд.

– Пока ничего... Тебя это беспокоит?

– Немного... Да, наверное, да... Я просто боюсь, что это повторится. Без негатива...

– Он обещал, что всё понял... Не знаю... Но с твоим отцом я больше ни за что на свете встречаться не стану... Да и Серёжа в шоке. Его бывшая жена такое учудила. Просто катастрофа...

– Действительно... Он ведь не мог и предположить, – саркастически выпаливаю, и мама хмурится. – Извини... Извини меня, я... проецирую просто...

– Виделась сегодня с ним? – спрашивает меня мама, и я неловко киваю. Глаза слезятся от той боли, что прогрессирует внутри и разрушает меня до основания...

– Женечка моя... – обнимает мама, отложив цветы на стиральную машину.

– Я его ненавижу, мам... И никогда не прощу...

– Это твоё право, малыш. Но послушай... Люди порой совершают ошибки, да? Сергей сказал, что он мучается... И что...

– Нет... – вытираю сопли и слёзы. – Нет, нет. Мне пофиг на его мучения. Пусть не старается! Ни через тебя, ни через своего папочку!

Выдыхаю и поправляю одежду, отпрянув от материнского плеча.

– Всё... Извини... Но это меня не касается...

– Хорошо, как скажешь, Жень... Я больше не лезу.

– Я тогда спать пойду, мам... Устала что-то сильно. Занималась, потом... Голова заболела...

– Хорошо, родная...

Мама со вздохом отпускает, а я...

Иду в комнату и ложусь в кровать, обнимая свою подушку. Все мысли отныне вертятся вокруг того, что он пытается оккупировать меня со всех сторон. Он же нарочно это делает. Даже через отца уже работает. Но фиг ему. Я всё сказала.

Нет чувствам. Нет любви. Нет отношениям...

Сердце отныне закрыто на замок... А твоё, Ник... Твоё я вырву из груди, если только подойдёшь ближе, чем на два метра... Подонок!

Утро... Я ненавижу утро с недавнего времени. Наверное, уже месяца два как. Потому что мне постоянно снится тот самый день... Начинается сон сладко. Даже очень... Я с ним... В обнимку. Чувствую безопасность и тепло.

А потом меня из этого сна жестоко вырывают, заставив ощутить себя брошенной и униженной. И это так больно...

Снова и снова чувствовать себя чужой игрушкой...

Стараюсь держать лицо. Мило крашусь, красиво одеваюсь... Должна выглядеть на все сто процентов. Должна притягивать взгляды и казаться счастливой. Хотя бы самой себе... И пофиг, что внутри огромная дыра.

Никто её не увидит. Никто не узнает, если я не буду открываться. А я больше и не буду. С меня достаточно подоб-

ного...

Завтракаем с мамой. Её смена сегодня с десяти. А мне к первой паре, но она зачем-то встала ни свет, ни заря, чтобы приготовить мне завтрак... И я понимаю, что она просто пытается быть хорошей мамой. Боится оставлять меня одну и переживает за меня... Даже если сама, возможно, уже давно мечтает вернуться к нему обратно...

– Как спалось?

– Ничего... Вроде бы. Сильные синяки?

– Нет никаких синяков...

– Ну, Слава Богу...

«Красавица, доброе утро. Подвезти на учёбу? Мне по пути», – приходит от Кирилла, и я отвечаю:

«Я не могу тобой пользоваться. Это слишком».

«Ты не пользуешься. Успокойся. Я сам тобой пользуюсь. Мне нравится твоё общество».

Улыбаюсь, вздыхая, и смотрю на время.

«Выйду через пятнадцать минут тогда».

«Окей, буду ждать», – приходит в ответ, и я смотрю на маму.

– Как думаешь... Если я буду общаться с Кириллом, это плохо? Он ведь хочет совсем другого...

– Не знаю, дорогая. Ты ведь обозначила ему свои намерения. А он тебе свои...

– Надо быть более настойчивой, да? Показать ему, что он тратит время на меня?

– Ну, показывать точно не стоит, – улыбается она. – А вот сказать – да. Просто есть такой типаж мужчин... Они не отступают. И любят сложности...

Интересно, Ник тоже подходит под этот самый типаж? Или же...

– Ладно, мам... Я пойду, – направляюсь в прихожую, быстро одеваюсь, в последний раз расчёсывая свои длинные волосы. С серым пальто и джинсами выгляжу очень симпатично.

Спускаюсь вниз и буквально сразу вижу его машину.

Ныряю внутрь, встретившись взглядами, и натыкаюсь на его улыбку.

– Доброе... Это тебе, – передаёт мне кофе.

– Спасибо, конечно. Но ты опять делаешь то, что я не просила...

– О таком не просят, Евгения. Учить тебя ещё и учить...

– Ага... Всё, Кир. Я опаздываю. Мне нужно приехать чуть раньше...

– Как скажешь, – улыбается и начинает везти меня до университета... Тут недалеко на самом деле. Всего пятнадцать минут через дворы.

Он останавливается возле ворот, и я моментально отстёгиваю ремень, чтобы убежать поскорее, но он тормозит меня за руку.

– Так что насчёт музея?

– Пока не знаю... Но ты понимаешь, что если я и пойду,

то только как друг, да? Без всякого там...

– Понимаю, конечно, хоть и надеялся на поцелуй, – ржёт он, пока я фыркаю, пытаюсь спрятать покрасневшее лицо. Случайно склоняю голову вбок и наблюдаю за тем, как взбесившийся Ник чапает в сторону его машины напрямик к нам...

Глава 6.

Никита Хорольский

Сука. У меня внутри всё немеет, когда вижу, как его ебущая машина подъезжает на парковку. Нутром чую, что она там... Я, блядь, в этом просто уверен. Если бы только можно было описать, как мне дерьмово сейчас, моё нытьё бы, наверное, на три страницы не уместилось. Я рисую образы, как они сосутся там... Как он сжимает в руке её талию... Как касается её груди.

И всё, блядь... Крышу сносит окончательно.

Тащусь в их сторону, мечтая выдернуть его из тачки и отхуярить у всех на глазах, но хомячок выбегает из неё раньше, чем я успеваю это сделать.

– Только попробуй! Вообще не подходи! – резко выпаливает и направляется в сторону универа, и я наблюдаю за тем, как дверь машины открывается.

– Проблемы какие-то, – показывается этот поц, вынуждая меня всего покрыться иголками.

– Ща будут, – уверенно заявляю я, но тут же слышу её вопли.

– Уходи, Ник! Тебя это вообще не касается! А ты уезжай, Кирилл! – наезжает она на нас обоих, заставляя меня кипеть.

– Я сам, блядь, решу, чё мне делать, – выдаю озлобленно, и она тут же возвращается обратно к нему, начав шептать

что-то на ухо. От того, что я вижу, у меня нутро сжимается до размеров атома. Если поцелует... Я тогда...

– Уезжай, – слышу я, пока она хмурится.

Сука... Вот никогда себя таким беспомощным не уезжал.

Этот Кирилл, осматривая меня пренебрежительным взглядом, всё же садится в машину, но не уезжает, а стоит, пока она не начинает уходить, ну, а я, разумеется, иду за ней. Потому что должен, нет, обязан поговорить с ней.

– Жень...

– Я всё тебе сказала...

– Чё это за хуила? Как ты с ним познакомилась?

– Тебе какое дело, Хорольский?! – тормозит у входа в универ. Мне кажется, у меня по глазам всё видно. Они, сука, горят... И я чувствую себя последней мразью. Сам весь словно лихорадкой пропитан.

– Такое дело, что я твой старший брат! – выпаливаю ей, на что она начинает нервно истерично хохотать. Я это, если честно, уже от отчаяния пизданул, потому что, очевидно, что что бы я ни сказал, ей вообще фиолетово до этого.

– Не смей меня, Ник! Это уже сюр какой-то! Отстань от меня по-хорошему! – дёргается, но я тут же хватаю её за локоть.

– Нет, ты не уйдёшь никуда! Нам поговорить нужно!

– Поправочка! – стряхивает она мою руку. – Тебе! Тебе нужно! Мне нет!

– А мне похуй! Ты идёшь со мной! – резко обхватываю

её за запястье и тащу к своей машине, как какой-то дикарь, блин. Просто ощущение, что сердце сейчас лопнет от перенапряжения.

Она тащится, но неохотно, естественно. И это больше похоже на то, что она просто хочет избежать болезненных ощущений.

– Ну и чего ты добиваешься, Ник?! Я всё равно слушать не стану! – выдаёт она категорично.

– А придётся, – открываю дверь и заталкиваю её в тачку, но она буквально сразу же отворачивается к окну и молчит. Сажусь следом и сжимаю руль, пытаюсь утихомирить свою чёрную душу, которая уже с ума сошла от негатива и желания отпиздить кого-нибудь...

– Женя... Послушай меня... Я жалею. Я мудака. Я не должен был. Верил маме... Думал, что вы враги. Я хотел, чтобы вы уехали из моего дома.

– Ну что ж... Поздравляю! Мы уехали. А теперь можно мне идти?! – оборачивается она и смотрит волком.

– Те фото никогда бы никуда не попали... Я клянусь тебе, – говорю, ощущая, как вибрирует голос. Кажется, что я вместе с ним...

– А я тебе не верю. Ни единому слову. И клятвам твоим не верю.

– Почему? Скажи, что забыла... Что не помнишь ничего между нами... Я, наоборот, только о нас и думаю, – выдавливаю, чуть приподняв свою руку. Хочу дотронуться до ли-

ца, но она тут же сжимается и двинется ближе к двери.

– Я поздравляю тебя, Ник. Я тоже думала когда-то... О нас, о тебе, не переставая... Только ты сам всё сломал, окей? Так чего теперь ждёшь от меня? Всё было ложью! Иначе бы ты никогда не сделал те фото! Ты целовал меня... И после этого... Господи, я даже думать об этом не хочу. Мне противно... – передёргивает её, и от каждого такого выплеска, меня самого тошнит, блин. – А после этого взял и сфотографировал. Хотя я тебе доверилась... Открылась тебе. И это ты считаешь, я должна простить?!

– Я не считаю, что должна... Я бы хотел, чтобы ты простила... Но я тебя не заставляю. Просто прошу тебя поверить, что я не хотел всего этого. Я ошибся – да... Но я... Блядь, Жень... Я так сильно по тебе скучаю, что ты мне каждую ночь снишься...

Ловлю блеск в её глазах и весь дрожу. Никогда ещё таким сопливым не был. Таким уязвимым перед кем-то... И так больно мне тоже никогда не было. Я и не думал, что это вообще возможно...

Она нихера не жалеет меня, конечно. Да мне и не надо. Лишь бы выслушала...

– Тот день на даче был реально самым лучшим в моей жизни... Жень...

– Я тоже так думала...

– А теперь? – спрашиваю с болью в сердце.

– А теперь я считаю, что это было ошибкой. Жалею, что ты

стал моим первым. Я бы охотнее отдалась Кириллу с самого начала, – выпаливает она, дёргая за ручку двери, и уходит, оставив меня в таком состоянии, что я просто проваливаюсь куда-то крайне глубоко... Где темно, холодно и больно... Где меня всего выворачивает наизнанку...

Это, блядь... Что значит... Что они с ним уже спали, да? Что...

Пиздец...

Дышать не могу. Всего будто в тиски зажало. И лёгкие изнутри покрылись ледяной коркой.

Тут же завожу тачку и, грубо сжимая руль, уезжаю отсюда прочь, мечтая сдохнуть. Потому что не просто больно, а невыносимо...

Кто-то держит руку на горле. Кто-то активно его сдавливает. Хочется орать. Хочется крушить. Ломать. Я ощущаю, как давление в ушах нарастает.

Кое-как доехав до своего клуба, вылетаю из машины весь на нервозе и громко хлопаю дверью. Даже не понял, как доехал, если честно. Вообще сигналы светофоров игнорил. Чувство, словно чудом повезло...

– Ник, дарова, чё не на парах?

– Не могу, блядь, там, не могу, – сходу начинаю дубасить грушу голыми руками. Пока тренер стоит сбоку и смотрит на меня хмурым лицом, но мне настолько поебать, что я сдержаться не способен. Так и пизжу её, пока не выдыхаюсь окончательно. Всё себе нахрен сбил подчистую. Всю кожу... Ку-

лаки красные... Но нихера не больно даже. Внутри... Оно внутри меня разъедает, будто кислота. Неужели я заслужил?

– Всё? Утомился? Что я говорил тебе об эмоциях? На пары ты должен ходить без вопросов... Поэтому учти, это в первый и последний раз. Иначе вообще пойдёшь лесом...

Чувствую, что не способен даже слова его адекватно воспринимать. Мне кажется, что все на меня нападают. Что норовят меня ещё сильнее утопить...

Хотя уже некуда...

Смотрю на него волком и весь горю. А он хватает меня за плечо и толкает на лавку.

– Чё с тобой происходит? Нормально же было... Хуже стало?

– Нет... Не знаю... – выдыхаю, надавив на свои глаза. – Девушка вернулась просто...

– Вернулась и?

– И... Нихуя... – отвечаю, получив от него осуждение в виде взгляда.

– Ну раз нихуя, так и бери себя в руки. Чё ты сопли распустил? Добиться не можешь? И это повод так себя гробить?

– Я сам виноват со всём... Я её обидел... Сильно обидел...

– И такое бывает... Всё можно исправить. Бери себя в руки... Ты вспыльчивый, я тебе сразу сказал. Эмоции оставляй за пределами зала. Они тебя погубят...

Понимаю, что нужно слушать, но душа противится. Я просто не осознаю, как мне быть дальше... Бегать за ней как ще-

нок...? Что это даст кроме самоунижения?

– Всё, Ник... Езжай на пары... Попробуй иначе. Отключи негатив...

Сука, как будто это так просто. После того, как любовь всей твоей жизни сказала, будто спит с другим и жалеет, что он не стал её первым... Это как вообще, блядь?! Единственное место, где я чувствую себя человеком, и отсюда меня гонят...

Я теряю все ориентиры... Не знаю, за что зацепиться. Чувствую себя максимально дерьмово, пока не вижу номер Лёхи на экране телефона. В тот момент ощущаю что-то давно забытое, но важное.

– Алло...

– Бля, ну, Слава Богу, живой... Куда погнал опять, боец?

– Мне дерьмово, Лёх, – выхожу на улицу и достаю сигареты. Опять начинаю дымить, не переставая.

– Представляю... Ты где?

– До клуба ездил, но... Вышел сейчас... Курю.

– Ясно... Чё забрать тебя? Поехали поговорим...

– О чём разговаривать... Я уже даже... Сука, я не вижу смысла мне там учиться. Она меня не простит никогда. А я учился там только ради отца... Не хочу ничего... Пиздец какой-то...

– Слушай, ну... Тебе кажется, что жизнь остановилась, но это не так. У тебя батя пиздатый. Есть от чего плясать, да? Соберись, Ник... Я доеду до твоего клуба и... Расскажешь,

что случилось, ладно?

– Ладно... Жду, – сбрасываю и откидываюсь на тачку. Чувствую, что у меня всё тело болит... Это реакция на стресс. Ноги как вата теперь...

Спасибо, любимая...

Спасибо за всё, блядь...

Нервно расхаживаю вокруг тачки на полусогнутых и дышаю... Ну, не могла она с ним переспать... Не могла, блядь... Я не верю просто. Или верю?

Я раньше думал, что она и волосы свои пепельные никогда трогать не станет. Ведь они у неё были такие естественные и обалденные. Нет, мне нравится розовый, но... Это на неё просто не похоже... Не её внутренний мир. Тот, которым она со мной поделилась...

Пока Лёха не приехал пишу ей новое сообщение.

«Ты с ним спала?», – спрашиваю у неё, ощущая себя ничтожеством. То, что внутри меня сейчас разгорается никакими словами не передать.

Вижу Лёхину машину вдалеке и сажусь к нему, потирая руки, потому что промёрз, блин, до костей. Ибо куртку из машины даже не доставал.

– Дарова, бедолага... Садись... Чё каво Женька там стегает? – спрашивает у меня, пока я запрокидываю башку на сиденье и закрываю глаза.

– Я не знаю, Лёх... Приехала с каким-то поцем... Мол встречается... И даже трахаются, как я понял...

— Ну... Лично я об этом нихера не знаю. Так что мне нечего сказать... Ты чё веришь реально, что Женька... С кем-то...

— Я не знаю, чему верить... Что её останавливает? Неземная любовь к такому мудаку как я?

Лёха ржёт, но быстро останавливает этот порыв.

— Завязывай, кароч, загоняться... Я понимаю всё. Но подумай... Жека не из тех... Сам знаешь...

— Я уже нихуя не знаю, Лёх... Потому что те чувства, что у нас были... Они просраны... В никуда...

— Ладно... Поехали, чувак... Посидим где-нибудь... Выпьем немного.

Накидаться с лучшим другом? Неплохая идея, да?

— А тебе Натаха за это ничё не сделает?

— А чё она мне сделает? Я же не под каблуком, блин... — угорает он и тут же набирает сообщение. — Но я предупрежу... На всякий случай...

Тут уж я нервно посмеиваюсь...

Меня ведь тоже изменило это чувство. Я думал Лёху ничего не способно поменять... Но, оказывается... Все мы меняемся, как и твердят нам «пособия о любви»...

Приезжаем в какой-то бар. Заказываем пива, садимся за стол. Лёха уже час отправляет Натахе голосовые о том, что тут с нами нет никаких баб и посылает ей тупые фотографии, пока я просто жду момента отключки. Хочу налакаться так, чтобы идти не мог... Такие у меня планы...

А потом мне вдруг неожиданно набирает отец.

– Привет, – здоровается первым. Время на часах двенадцать дня. Я уже бухаю... Красавчик.

– Привет, бать...

– Ты где? Не на обеде?

– Ну... На обеде почти...

– Ник... Что случилось?

– Да ничё... Мы тут с Лёхой... Сидим...

– Ник, я хотел, чтобы ты вечером дома был, блин... Чёрт...

– А что такое...

– Я... В общем... Я позвал на ужин Эльвиру и Женю... – говорит он, чем заставляет моё сердце в груди ещё сильнее заныть.

– Да она не придёт по-любому, – вздыхаю я, потирая свою сонную хмельную рожу.

– Ты ошибаешься, Ник. Она уже согласилась прийти, – сообщает он, заставив меня охуеть на месте... Она так издевается? Или... Что это за хрень собачья? Или теперь она решила доломать меня окончательно?

Глава 7.

Евгения Хомова

Когда он уезжает в таком состоянии, у меня дыхание перехватывает от страха. Нафига я это сделала, блин?! Вот зачем, а... А вдруг с ним что-то случится? Я же потом никогда себе не прощу! Я даже не думала, что смогу такое сказать, ещё и в глаза! Особенно после того, что он мне говорил! Господи, что со мной такое стало?! Почему я ощущаю себя такой жестокой и злобной? Я же никогда такой не была! Это он меня такой сотворил! И мне так дерьмово из-за этого... Не передать словами. Я разочарована в своей душе...

Тут же бегу искать Лёшу, потому что дико нервничаю, а сама звонить ему ни за что не стану... Приходится выдернуть его прямо с лекции, и он выходит ко мне в недоумении, потому что мало того, что я запыхавшаяся, так ещё и бледная как моль. Напуганная до ужаса...

– Жек, ты чё? Что случилось?

– Слушай... Я ляпнула ему такое... Он уехал весь на нервах, и я теперь за него боюсь... Не потому что что-то к нему чувствую. У меня ничего нет к нему! И прощать я его не собираюсь... Просто я...

– Да успокойся ты, – смеётся он, приобнимая. – Я понял... Ща позвоню ему. Релакс только...

Лёша отходит и делает звонок, пока меня всю потряхива-

ет на месте. Я буквально смотрю ему в спину и кусаю собственные губы до крови, потому что очень сильно боюсь.

Он возвращается спустя минуту, а у меня чувство, будто прошла целая вечность, блин.

– Слушай, ну да... Взбесился чё-то... Я разберусь, ладно?

– Ты с пар уедешь?

– Да, за ним поеду...

– Понятно... Ты потом... Ты мне напишешь...?

– Жека-Жека, – кладёт он ладони на мои плечи. – Чего ты испугалась? Любишь его до сих пор?

– Нет, не это... Я не знаю... Мне показалось, он от злости готов был рвать и метать.

– Ты Ника что ли не знаешь? Он всегда такой. Не бзди. Всё, поехал, – Лёша уходит, приобняв меня на прощание, а я...

Я... Просто схожу с ума, думая о том, что, наверное, подобная новость реально задела его до глубины души. Но этого я и добивалась, блин... Так чего же тогда нервничаю?! Почему так больно самой?

Мне кажется, что если бы я сейчас узнала, что он с кем-то спит, это бы переломило меня пополам... Окончательно и бесповоротно.

На пары иду в таком вот разбитом состоянии, а мне ещё прилетает сообщение от Кирилла...

«Так ты не шутила. Это твой бывший или как?».

Господи... Этого мне ещё не хватало. Что за день откры-

вений перед всеми?

Но не собираюсь я этого скрывать. Пусть знает правду.

«Да, он мой бывший. Я не шутила. Отношений не хочу. Не моё и точка».

«Ладно... А музей? Хочешь? Дружить? Мы же можем дружить?».

Я не знаю, что за клеймо на мне, но оно как-то подозрительно работает... Дружба? Ну да... Конечно, я хочу дружить. Очень. Но правда ли это? Или Кир так пытается стать ближе ко мне?

На его сообщение не отвечаю...

Но вижу ещё одно. Уже от Ника.

«Ты с ним спала?»...

У меня от этого вопроса в груди всё сжимается и по телу проходит какой-то болезненный импульс. Написал – значит, жив. Это вроде как уже хорошо, но... Я безумно хочу сделать ему больно. Хотя отвечать на этот вопрос себе дороже. С чего он вообще взял, что имеет право такое спрашивать??? Это грубо и очень мерзко. Особенно после того, как он со мной поступил! Но я сразу поняла, что он именно так и подумал после моих слов в машине... А теперь, видимо, решил уточнить... Козёл.

Игнорирую... Лёша примерно через полчаса скидывает сообщение о том, что они поехали в бар и мне неудобно перед Наташкой... Блин. Во всём, кажется, виновата я. Надеюсь, он там не сильно напьётся. А-то ещё поругаются из-за

меня, не дай Бог.

Но Наташка вроде как пишет, что всё нормально. Что Лёха под прицелом и не станет косячить. Очень на это надеюсь. Потому что они вдвоем бывают неуправляемыми. Помню же, что было тогда на вечеринке. Когда они дрались там до крови. И меня сильно тревожит это. Не хотелось бы быть виновной в их очередных битвах.

Примерно в двенадцать дня мне звонит мама и спрашивает у меня про ужин с Хорольскими... Неожиданно, конечно. Аж по телу проходится колючая дрожь после всего... Как будто какая-то ловушка для меня. Почему именно сейчас, блин?! Сначала я настолько категорично настроена, что всё внутри противится, но потом я думаю, что не должна так относиться к маме и её чувствам... Что бы там у меня самой ни было с его сыном.

Мне нужно выдохнуть. Наши ссоры и скандалы – только наше с ним дело. Его отец другой, как ни крути. Он не подлый человек. И мне нужно понять, что у меня нет выбора. Нужно быть взрослой в своих решениях. Как бы меня от Ника сейчас не ломало...

Хотя бы как-то настроить себя на то, что придётся его видеть. К тому же он сейчас бухает и может вообще не прийти вечером. Тогда мы спокойно посидим втроем.

«Жень?», – приходит сообщение, и я вспоминаю, что не ответила Кириллу... пишу ему «да» в ответ на его вопрос про дружбу... Как думаю... Потому что всё впопыхах и на

нервозе...

Только это злосчастное «да» улетает немного не туда, куда нужно... Руки в мгновение начинают трястись и потеть. Я вообще не собиралась отвечать на этот провокационный вопрос. А теперь у меня внутри всё становится пеплом в одночасье. Две галочки рядом с моим ответом подтверждают то, что он уже его прочитал и мне не удалить это при всём желании... Чёрт возьми! Только не это...

«Ты с ним спала?»...

И в итоге мне приходит ответ от Ника.

«Пиздец. Ну и пошла ты на хуй тогда».

Перечитывая эти строчки снова и снова, ощущаю, как внутри меня всё закипает. Какая же он свинья, а... Скотина... Мразь. Я его так ненавижу... Господи...

Нафига я отправила это сообщение?!

Но оправдываться перед ним я уже точно ни за что не стану! Пошёл он! Урод, блин! Пусть думает тогда, что спала и много раз! Тысячу, блин! И что мне нравилось тоже!

Закипая от гнева и злости, сижу на паре, и вся трясусь в неведении. Чувствую себя душой. Так облажаться! Блин. Господи...

С одной стороны, мне вообще пофиг, что он обо мне думает, а с другой... Теперь я чувствую себя виноватой, а понять не могу почему?! Какого хрена, блин?! Он меня предал! А я тяну одеяло вины на себя... Пытаюсь прикрыть те раны, что мне оставили...

И тут получаю сообщение от мамы.

«Отлично, я с ним переговорила. Тогда в семь у них. Договорились?».

Час от часу не легче. Мне кажется, что весь мир теперь настроен против меня. Я буквально ощущаю внутри такие вибрации, которые заставляют меня скручиваться от эмоциональной боли. Но ведь ничего страшного, если я приду с другом, верно?

«Мам... Можно я буду не одна? Я хочу позвать Кирилла. Как друга», – пишу ей, и она тут же отвечает.

«Почему нет? Я скажу Сереже. Раз тебе так будет спокойнее».

«Хорошо, спасибо, мама!», – отправляю ей и тут же пишу Кириллу сообщение о том, что мне позарез нужно, чтобы он съездил со мной сегодня к бывшему, чтобы поддержать, иначе я просто сойду с ума. Он же сам писал, что мне друг, верно? Вот и посмотрим тогда... Уже уверена, что он пошлёт меня на три буквы, но он, как ни странно, соглашается... После всего. И тогда я думаю, что Ника скорее всего не будет дома после моего сообщения. И так будет даже лучше. Пусть занимается своими делами. Пусть бухает и дерётся, думая, что я готова теперь менять парней как перчатки и неизвестно чем с ними заниматься. Плевать.

Я больше точно не стану перед ним оправдываться. Особенно после того, что он мне написал...

Вечером в семь уже готовлюсь на ужин. Чувствую, что всё ещё сидит страх в груди из-за того, как всё пройдёт. Сергей ведь уже делал маме предложение. Надеюсь, что на этот раз обойдёмся без громких речей. Просто посидим вчетвером и поболтаем. И после этого я уже могу считаться хорошей дочерью, не приезжая на подобные торжественные мероприятия.

У меня и так весь день пошёл насмарку, если честно. Я прогуляла последнюю пару, потому что была не в состоянии её высидеть. Теперь ещё и из-за этого переживаю, блин. Даже платье не хотелось надевать, но я всё же послушала внутренний голос, потому что это невежливо. Надела самое простое трикотажное серое до колен. Практически всё закрытое. Высокий ворот, длинные рукава. Без вырезов. Просто подчёркивающее фигуру. Волосы оставила распущенными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.